

Н.Д. Попов
(Кота)

Постижение

Лирическое эссе

16+

Николай Попов

Постижение

«Автор»

2019

Попов Н. Д.

Постижение / Н. Д. Попов — «Автор», 2019

Постижение - процесс понимания мира, понимания своего видения,
понимания своего "Я"...

© Попов Н. Д., 2019

© Автор, 2019

Содержание

*	7
*	8
*	10
*	11
*	12
*	17
*	20
*	22
*	23
*	24
*	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Вчера находился в общем ряду и получал со всеми вместе «указания»... сегодня – смотрю в этот ряд глаз и буду давать «указания»... и с нетерпением жду, как эти глаза откликнутся на первое моё слово. Какой трепет души ждать из этих глаз?.. пока неожиданное любопытство.

Помню, как один из моих предшественников на следующий день после приказа о назначении, до того рубаха-парень, выпячивал грудь и поднимал головку, чтобы на более высоких смотреть свысока... Во мне нет такого физического устройства.

Вероятно, я достойный сын своего отца, не обладающий примитивным высокомерием и согласный с его мудрым мнением: «Руководители бывают двух типов: водящие руками с потоком слов – эти могут только властвовать... и без слов ведущие руками – эти чувствуют и принимают ответственность за людей, с которыми они могут совершать дело», – мне всегда были противны первые.

С кем буду «совершать дело»?.. Каждого знаю как облупленного... из четырнадцати девять, с которыми работаю пять-шесть лет, остальные меняются, как грязные рукавицы, – каждый месяц не менее двух... Забегу вперед – только один из пятёрки останется надолго, хотя ещё вчера хотел бежать из бригады: вчерашний «руководитель» затравил своей наглостью – добродушию трудно устоять перед напористым хамством полупьяного начальника.

Ещё вчера занимался только организацией своего труда – полученное задание продумывалось под себя... и как требует дело... Таких своеобразных в бригаде пять человек, а с остальными придётся организовывать их труд... но временно, хотя с волевым давлением – все обладают самостоятельностью, а если они «хилияли», то с позволения моего предшественника... Его учили процессу труда, который он освоил на тройку, и не проявлял большого любопытства... Его пытались учить организовывать людей, что не имеет смысла – самостоятельных людей не организуешь, а дураки, когда их тиранят, умнеют... Но из этого «учения» он извлёк, как можно эксплуатировать порядочность – «надо сделать... ты советский человек»; доверие – «сделаешь, обещаю сделать для тебя»... и обещание забыто. Кто-то поверит один раз, кто-то два, а может, найдётся тот, кто и в третий раз поверит; страх – найти грехи или слабости и на них давить: самая распространенная эксплуатация – кто без греха или слабости?.. в этой бригаде теперь только трое, и то условно и относительно.

Знаю одно – не собираюсь организовывать людей для работы, поэтому ни слабости, ни недостатки их мне не нужны, а эксплуатировать они будут свои способности не силой принуждения, а силой потребности «выдавить из себя раба». Моя задача – найти тот стимул, который позволит превратить восемь часов работы в необходимый и нужный труд.

Можно создать правила поведения человека... наподобие кодекса строителя коммунизма, но это всегда будет надуманность и неестественность – организм человека живет по законам Природы, а не по правилам Разума, которые не могут быть устойчивыми и постоянными, но требующие этого... а законы Природы обладают бесконечным разнообразием...

Не только по себе знаю: человек остаётся свободным даже, если о нём думают, беспокоятся и заботятся – у него есть выбор: принять или отказаться... Если за него думают, а тем более делают, то человек лишается свободы – у него нет выбора и он становится подневольным... Мне бы не хотелось руководить рабами... Раболепие – противно... И оно лишает здравомыслия.

Быть таким, как мой предшественник, – отдавать всю организацию на откуп бригадирам, а самому проявлять власть только в острые или в критические моменты, причём под алкогольным угаром, – привычно и удобно было и для меня как бригадира, и для пристально всматривающихся в меня визави.

Подражание, переносящее в жизнь, одна из подсознательных глупостей, рождающая разочарование и даже трагедию... и просто пустая трата времени. Учиться всему и у всех –

первая основа жизни... И жить, пока дано на это время... жить – значит ощущать в себе постоянное беспокойство.

Есть сложность в выборе того, «что делать?»... а вот «как делать?» – приходит в процессе деятельности.

Понимаю, что я в той ситуации, когда в полной зависимости от обстоятельств... но считаю себя самостоятельным и способным сформировать своё воззрение, которое позволит принимать независимые решения и позволит подняться над обстоятельствами.

Восприятие внешней среды зависит от моего душевного состояния... и обуславливается желанием победы в соприкосновении со средой. А умение управлять своим настроением – это способность чувствовать предел восторгам или томлениям и осознавать грань, после которой возможна депрессия организма.

Есть труд, каким бы ни было его осознание, но воспринимают его как необходимость для воплощения своих потребностей... по возможности. Мне понятен творческий труд, который может быть приятен и доставлять удовольствие... но необходимый. И опыт жизни подсказывает, что любой труд можно превратить в творческий, если будет найдена свобода в преодолении необходимости.

... Через четыре с половиной года уходил в «науку» – в министерскую лабораторию заведующим группой (была в те годы такая должность), но расставание было глубоким сожалением и для меня, и для «моих» ребят... у некоторых даже с душещипательной слезой, что подтверждает – в наших отношениях и в нашем деле была найдена та свобода, с которой преодолели необходимость.

Так хочется сделать вывод... наверное, чтоб не разреветься... сила русских в том, что они вокруг общего и заинтересованного дела могут создать жизненное пространство... возникни такая необходимость – и в паршивом месте полновесно жить будут... именно это раздражает заумно-брезгливую «интеллигенцию» и либерально-аристократическую братию.

Солнце приятно подогрело сквозь синеву прозрачного неба. Весенние солнечные лучи – радостные и обжигающие блинчики, снятые скворчащими со сковороды... Задорные лучи счастливили лица отдыхающих и прохожих в сквере. Ничто не может нарушить настроение Весны!

Девочка лет шести звонко смеялась, играя в прятки вокруг скамейки, на которой сидела пожилая женщина... которая тоже была довольна радостному восторгу ребенка и сама пребывала в этом восторге, отражая то же тепло, что и весёлое солнце.

Вдруг... такого я не ожидал... взгляд женщины, я узнал её, наткнулся на меня... восторг пропал в её глазах, но на некоторое время задерживался в искривлённой улыбке. Под её немигаемым взглядом во мне развалились все чёткие и ясные ощущения. Взгляд требовал ответа на вопрос: кто виноват?..

Девочка не хотела уходить, захныкала, но бабушка (стали понятны родственные связи) почти силой увела её из сквера, не ожидая моего ответа... Собственно, неприятность встречи со мной уже predetermined ответ – она обвиняет всех... и меня.

Застигнутый врасплох и неожиданностью выведенный из равновесия, что можно было ответить?.. Бормотать оправдательное, извинительное и кого-то обвинительное?..

Можно сходить с ума от отчаяния, а пережив, забыть... но в памяти останется сам факт переживания.

Они ушли, но мозг просверлен молчаливым вопросом... без ненависти и возмущения, но с презрением... которое придавило меня к садовой скамейке и заставило задёргать извилинами, раскручивая память...

Умом могу оправдать каждого из нас, но в душе есть сопротивление и сомнение...

Красивые черты лица, стройная спортивная фигура, умный блеск в глазах, театральная причёска, по стрелочкам выглаженная спецовка, представительная походка, деликатность манер – он был неожидан в нашей сумасбродной, перепачканной маслами и металлами, изматерённой среде слесарей-ремонтников.

Не верилось, что он будет работать рядом с нами, что его руки будут держать ключи, кувалды и прочий увесистый инструмент, что музыкальными пальцами будет перебирать маслянистую грязь – не верилось... и его имя было редким и романтичным – Вадим.

С его появлением возникло ощущение возможных изменений в нашем привычном существовании и даже появился некий жизненный смысл, он должен это дать – от него исходило такое сияние...

Единомыслие и красота... то сочетание, когда разум может допустить единение во благо единомушья. Друг-единомышленник – редкость в мире, загромождённом множеством мыслей и желаний, в хаосе которых не просто разобраться одному... Я и Вадим стали друзьями... как нам казалось... потому что оценивали взаимоотношения одинаково... и знали, что нам нужно в настоящем и чего не хватает сейчас, чем восполнялось прежде и что необходимо в будущем...

Невозможно вернуться в прошлое даже к рождённой там мысли, которая сегодня окажется ненужной... Наша дружба потухла сама собой – мы перестали быть нужными друг другу... но это не окончание всего: его отношения переросли в неприязнь ко мне, в необъяснимую по смыслу борьбу со мной...

У меня не было интереса к явлению или факту... его ненависти, но из чего они произошли – считал наиболее важным для понимания Вадима и самого себя... Нелепость ли, которая окутывает деятельного человека, не имеющего конкретного, со смыслом, дела?... или?..

Когда он был ещё искренен и откровенен, то саморазоблачённо признавался: «Если меня не любят, чувствую себя раздавленным... моя любовь не приносит мне наслаждения... Когда появляется проблеск разумного – появляются чувства сопричастности и долга... но чаще самолюбие побеждает и нет стремления к чистоте». – или?... моя влюблённость в него как-то быстро потухла, – «Жажду победы... стремлюсь добиться любви к себе... добившись, торжествую... и нахожу ту чистоту души и ума, которые облагораживают... но ненадолго... потом гадливость и скука».

Наши дружеские отношения начали киснуть за год до моего назначения мастером («начальником»), а в день назначения не мог смотреть мне в глаза, но даже спрятанные, они излучали завистливое недовольство... а обоюдная неприязнь захватила после смерти Рафаила.

Его обвинения не только в разладе наших отношений, но и во всех его нескладных житейских обстоятельствах... мной не принимались всерьёз, а его это злило.

От зла и досады возникают глупейшие поступки... и, когда ребята забыли, в честь кого был праздник, и допились до желания идти баиньки, у Вадима возникла мысль поехать к нему домой и допить остатки в благоприятной обстановке (день рождения отмечали в раздевалке)... согласился только Рафаил – согласен был на всё, лишь бы куда-то двигаться.

На следующий день Вадим рассказывал... как утром он стал будить Рафаила... и увидел покрытое синевой тело... закрытые глаза и открытый рот, наполненный блевотиной... Вадим заорал от страха... от невозможного...

Аналитических разговоров не велось – все понимали истоки и причину смерти... её нелепость и предрещённость. Каждый чувствовал свою причастность – хватало воображения пережить его участь... Никто ни тогда, ни позже не сваливал весь груз вины на Вадима.

Годка этак через три Вадим пригвоздил меня вопросом: «Знаю, ты не прощаешь мне Рафаила, ты винишь меня?» – неожиданное или неизвестное, т. е. непознанное – источник страха... да, были эти предательские мурашки по спине... и вопрос явно готовился и, судя по грустным глазам, давно... Ответил, как было: «Вадик! Никогда ни в мыслях, ни словами не обвинял тебя...» – он услышал правду... и сморщился, как от пощёчины... и впервые не услышал от него оправданий своим или опровержения моим словам.

Окутала жалось к его обвисшей фигуре. Он уходил... нет, он брёл от меня, а я был поражён ситуацией. Эти годы он ни перед кем не оправдывался за Рафаила, хотя оправдание любому своему поступку, действию – это его страсть до занудности, вросшая в характер.

Оправдание для Вадима – это опора на превосходство ума... Добрые деяния «оправдываются» результатом... порочные или вредно-ошибочные, скрывая результат, приукрашиваются ложью... не лучше ли «умность» направить на исправление пороков и ошибок?

Разные несурзности или мерзости вносил в наши отношения Вадим, но я стал ему всё прощать – он был мне понятен, казалось, до ритма дыхания в различных обстоятельствах.

Школьная привычка решать задачи под ответ осталась у Вадима и в жизни; что там ответа нет – есть результаты решения, которые зависят от сути человека и правильности выбранного алгоритма, и совсем не от цели, для которой решалось.

Вадим принадлежит к тем людям, которые не столько умны, как заумны – простые вещи, категории и понятия нагромождают сложностью до такой степени, что самим трудно разобраться... Отсюда ложные выводы, а при завышенном самолюбии – менторский тон и пророческие видения.

Высокомерие Вадима – это примитивный инстинкт застывшего в своём развитии человека – оно не созидательно, а в высшей степени разрушительно, тем и опасно... и для владельца, и для окружающих.

А вот расчётливость Вадима, умеренно эгоистическая, от природы более подсознательная, чем сознательная, поэтому сродни таланту. Но не всегда на эту расчётливость можно положиться – высокомерно подогнанный расчёт к заранее предопределённому ответу приводит к заблуждению.

И всё же... благодарен Вадиму за то, что он был в моей жизни... от него пришло осознание невозможности воспитать, а тем более перевоспитать взрослого человека... как нас учили комсомол и партия... и в чём была ущербность Вадима – он считал себя воспитателем, но себя не желал воспитывать, считая свой уровень достаточным.

На его примере виделось, что наше поколение, и идеологически направленное, как бы вывернуто наизнанку, поэтому чувствительно воспринимает действительность... и с растопыренными ушами, вбирающими всю какофонию мира, но не находит в ней нужных и приятных звуков... и нахальными глазами, видящие только своё нутро... что приводило к внешнему юродству, за что били, но вбили внутреннее уродство.

Молодости нельзя списывать недостатки – иначе развращение... надо уметь прощать – это воспитывает.

На выходе из мастерской, возле кучи металлолома, Насыров положил задвижку с японского полимеризатора и сказал: «Арнольда Алексеевича на месте нет, передайте, что его просьба выполнена».

Витя-электрик, ожидая команды от шефа сидя возле телефона, нашел себе развлечение: задвижка явно лежала на проходе и кто-то должен был споткнуться, не заметить её... А уж тут Витя смог бы почесать язычком.

Первой «жертвой» был Володя Железцов. Просверлив в детали отверстие на ходу проверял штангелем правильность сделанного... хорошо споткнулся-до позы летящей ласточки, но не приземлился, а удержал равновесие. Посмотрел, что там попало под ноги... пнул задвижку: «Микадо хреново».

Витя вставил пару слов через призму стакана: «Железяка-пузыка, сдвинь задвижку, сто грамм налью»

Володя ответил: «Кому надо тот уберёт, а «гомыру» не пью».

В мастерскую входит Ваня Масолов и неся в одной руке шестигранники, а другой толстую, круглую болванку, цепляется ею за задвижку и та бьет несущему по ноге. Ваня орёт благим матом: «Япона мать!» и идёт дальше.

Витя: «Ванюша, больно же! Сдвинул бы задвижку»

Ваня: «Руки заняты, а хер не хобот».

Федя Караваев, посвистывая, замечает препятствие на пути, обходя его, произносит: «Сукиनावу положили! Гады! Жопу надрать».

Витя вставляет: «Так убери! Гадом не будешь».

Федя в ответ: «Озеров хренов! Без комментариев подними жопу и убери! Делать всё равно не хрен тебе».

Ваня отрезал от болванки нужный размер для обточки и остаток возвращал на склад. Проходя мимо задвижки, снова зацепил её болванкой, которая упала ему на другую ногу. Заревел пуще прежнего: «Блядь японская!». Отбрасывает задвижку с прохода: «Жопоголовые...».

Витя сказал: «Ванюша, опять больно? Совесть то у тебя на кончике «хобота».

В мастерской стояла ржачка до слёз.

Прибежал механик-кабинет через стенку и окна открыты,-весна!

– Чё гогочим, паразиты? Работать надо!

Витя: «Алексееич, суку ускоглазую тебе привёз татарин волосатый».

– Иван, это к тебе вопрос. Задвижка стальная или чугунная?... можно ли снять испорченную эмаль? – обратился механик к токарю.

Иван ответил без запинки: «Стальная. Легче выбросить чем снять эмаль».

– Понял – сказал Арнольд Алексеевич, – значит в металлолом, – и вышел из мастерской.

– Механик, с высшим образованием, обращается к токарю-ПТУшнику! Однозначно-жопоголовый! – возмутился Иван.

Любопытство, присущее человеку и животному, – есть проявление инстинкта. Потребность к познанию – сознательное явление, что означает: развитие ума происходит не под влиянием страстей, а стимулируется чувствами... и тогда в познании мой дух и моё тело неразделимы.

С прекращением познания останавливается духовное развитие, оставаясь в творениях... Пока я одухотворён – я живу, ибо сутью духовности является разум.

Открывать старые истины или постигать новые – одинаковый трепет познания.

Знакомое, повседневное не вызывает глубокого осмысления, не удивляет и не возбуждает чувств... Но стоит заглянуть в глубину... и повседневное оборачивается в незнакомое, вызывая интерес и разжигая чувства.

Знать – не означает обладать. Знать можно прошлое, но им уже не владеешь... Что можно знать о текущем или о будущем опыте?.. Ничего... Это область метафизики, отрицать или отвергать которую бессмысленно, но и владеть метафизикой абсурдно, ибо это далеко отвлечённое умопостижение.

И знания, и вера друг другом незаменимы – они единое целое, а объём знаний не уменьшает силу веры —увеличивает простор для познания, тем самым усиливая веру в бесконечность познания.

Абсолютных знаний нет – вариантов относительных знаний множество... и во мне свой уровень знаний, моя ниша значимости пригодности к жизни.

Только мой опыт творит мой характер, мою душу и воспитывает чувства. Разум фиксирует или выбирает опыт, поэтому чувства удовлетворения от познания не присутствует во мне постоянно – не всегда мой опыт меня удовлетворяет.

Когда понимаешь, что простота видимого от нераскрытия сложного – посещают сомнительные чувства... когда вытаскиваешь простую, но ёмкую мысль из сложных размышлений – восторг!

Когда в искренности видишь простоту убеждений, исходящих из очевидного, то понимаешь – здесь доброжелательность... поэтому к знаниям надо относиться попроще, без нажима – знать то, что нужно, а не всё... потребность в нужных знаниях возникает в процессе познания... а человек – явление сложное и познавать его надо с себя.

Он заметил меня издали, но, только поравнявшись, движением всего тела показал, что только сию секунду увидел, что рад встрече.

– Приветствую, Николай Дмитриевич... не иначе, сынишка где-то бегаешь? Частенько тебя с ним вижу... Редкий ты папаша! – долго тряс мою руку, продолжая, как я понял, выговариваться. – Как живёшь? Как самочувствие? Как работаете в институте? Как проткнулся в научное заведение? Ах, да! Женя Сальников благотворил... Помню... Как пристроился... то бишь устроился?

– Арнольд Алексеевич... не научился и не учусь пристраиваться... просто работаю...

– Скромничаешь... но тебя она украшает... на завод не тянет? А меня под зад двинули... и кто? – прохиндей-директор, которого через два месяца тоже попёрли... хе-хе... ирония... Я-то на пенсии... А ему как медному котелку... Всё же сумел он полезными друзьями обзавестись... пристроили паразита.

– У вас тоже много друзей...

– А-а, пока бесплатный спирт пили, пока давал – были друзья... теперь отмахиваются, как от прилипшей сопки...

– Что-то на вас не похоже?... Иронизируете над собой, откровение потоком... тем более со мной...

– Ах, Николай... к чему обидные вопросы... ты единственный без пренебрежения здороваешься со мной... отвергают... проститутки... а как лебезили!..

– Приучили...

– Фу.. чёрт... не можешь ты без обидных слов... – он отвернулся, часто моргая. Никогда не предполагал, что возникнет жалость к нему, а тем более появится стыд за нанесённую обиду... справедливую, но неуместную в данный момент.

Разговор споткнулся... выделась необходимость поддержать и разговор, и его – в нём искрилась откровенность, ищущая помощи и сочувствия.

– Арнольд Алексеевич, помните Рафаила Насырова? – воспоминания увели его от обидчивого состояния...

– Как же... помню... слесарь, который упился до смерти... недели две пьянок на заводе не было...

– Несколько минут назад его мать увела внучку, увидев меня... Значит, до сих пор винит НАС.

– Хороший был парнишка... не совсем самостоятельный, но добрая душа... и кого же матери винить?... Мы ВСЕ виноваты...

Обсудив перипетии с Рафиком, как ожидалось, он вернулся к своей судьбе... иронизировал, жаловался, даже поскуливал, поливая всех бывших приятелей паскудными и злобными словами. Иногда из открытого рта вываливается больше дерьма, чем с неприкрытой задницы.

Спустив из нутра застоявшуюся тину, принялся выворачивать себя наизнанку, ощупывая каждый изъём в себе... Вывернутый наизнанку – жалок, но не опасен, а вот вывалившееся дерьмо – это столь мерзко, что слушать противно... Ощущение – была нелюбезная встреча... словно били по физиономии прицельно, пронизываяюще больно и автоматически часто.

Самобичевание прошло... Арнольд был беспомощным, пока не знал, что делать... ощущал себя ничтожным... что и было началом движения – он превратился в учителя. Нравовучение сводилось к элементарной формуле: взаимоотношения должны строиться на нужности личности... скучно и неприемлемо, но пытаюсь сохранить тактичность...

Арнольд стал оптимистичнее – поучая, познавал... и уже знал, что делать... и я ему уже стал не нужен... Он, сославшись на срочное дело, уверенной, почти строевой походкой удалился из сквера.

Арнольд правдив в своей наивности... но с наивностью чувствует себя ничтожеством, а за пределами наивности удовлетворять может только выдумка – в ней больше сладости, а от горечи можно устать... и тогда нет созидания, в лучшем случае болтовня, в худшем – разрушение.

Он не верит, что я могу простить – знает тех, кто ему не простил... но не знает, что прощение – это не забвение, а изменение к лучшему... простить не только понять, но и переломить, в первую очередь самого себя... Он никого не простил, поэтому ни от кого не ждёт прощения.

Наше с Арнольдом соприкосновение произошло, когда объединили два цеха и две группы слесарей... и впервые развод по работам проводился на новом месте. Они – «Арнольдовы голуби», и мы, искоса, но внимательно изучали друг друга.

Арнольд стоял на груди металла, как на постаменте. Его среднего роста округлая фигура возвышалась над головами слесарей. Развод – обязанность мастеров, но сегодня эту роль Арнольд исполнял с удовольствием... надо было перед новичками выплеснуть свою энергию и почувствовать силу своей власти... порисоваться – показать свои удельнокняжеские замашки, и указать каждому своё место.

Почувствовать свободу можно в момент превосходства... не понимая, что в этом есть заблуждение с далёкими последствиями... Говорил много с профессорским тоном, остроумно унижая личностей с недостатками... ему подхихикивали послушные и зловерные.

Не хотелось соглашаться с первым впечатлением... возразил ехидному замечанию – не в мой адрес, что вызвало застывшее молчание у тех, кто тесно знал Арнольда, а его речь, до сего момента размеренная, поперхнулась застывшим языком... но сделал вид, что не расслышал...

Чуть позже «послушный» по кличке «Степан» доверительно и с намёком на то, что доверительность не его инициатива, прошептал на ухо: «Нельзя возражать хозяину... можно не получить и обглоданной кости...»

Страх присущ всем... Различие в том, что он преодолевается неодинаково...

От услышанного, кроме мерзости пробежали, мурашки страха, ещё более мерзкого и неопределённого... заставившего выдавить искривлённую улыбку, и так же шепотом сказал: «Передай хозяину... у него воспитанные холуи...» – после сказанного исчез страх и появилась даже приятность от брошенного вызова.

Позже понял: моё противопоставление идеям и жизненному образу Арнольда были с открытым забралом, а он бил из-за угла и неожиданно. Но как раз это не ломало меня, а вырабатывало противоядие от непредсказуемых пакостей... которые с осознанием теряли непредсказуемость.

В одном из перекуров того первого дня высказал свои впечатления об Арнольде... и «Арнольдовы голуби» стали запугивать меня, хотя это были те, кто подхихикивал Арнольду: «Ты его ещё не знаешь!» – были искренность и беспокойство за меня... усталость в глазах при имени Арнольда подсказывала, что они горестно испытывали его давление... И мелькнула искра надежды: а вдруг мне получится сломать Арнольду рога... и даже давались конкретные предложения...

Рога ни мне и никому не пришлось ломать – их не было, а был «Степан», который исчез как-то незаметно и тихо... а в конце рабочего дня «Арнольдов мастер» отвёл меня в сторону и предложил: «Если не нравится механик, поищи другого... Цехов много и механиков тоже... всем требуются слесаря...» – прямо, ясно, но чужим языком... и мысли чужие... и ответа не требовалось.

Забегу вперёд... Саша, не помню фамилии, мой гнев на его слова принял как решительное «нет»... проработал не более недели... Как мне думалось, и оказалось, что думал правильно: Саша сам воспользовался предложением Арнольда, которое было для меня... его взяли в новый цех с повышением – механиком... В любом случае, это было самостоятельное решение.

Стремление к самостоятельности не может быть дурным, если не противоречит человеческой сущности... и чувствуешь себя ничтожеством, если не строишь свою жизнь. Но в сочетании со стремлением обустроиться в служебном кресле, а тем более с должностью иметь власть – это мелкотравчатое ханжество... перерастающее в диктат.

Проявлять волю к подчинению – не просто мерзость, но и противоестественность... нет звучания разума – есть отголоски инстинкта... но в основном, это примитивность ума, низкая культура и множество недостатков, которые прячут за так называемую волю, что есть элементарное упрямство в достижении цели.

Владея материально-производственными ценностями, Арнольд не ворочал крупными деньгами... «Деньги ничто – власть всё!» Всё работало на мнение, что он может «дать» или «делать» – и делал, и давал всем, кто был ему нужен... не нарушая уголовного кодекса... а кодекс нравственности пренебрегался в отношении ненужных, неудобоваримых и тех, кто дураки... а дураки все, кто не хочет иметь с ним дело.

«Свои» люди во всех сферах жизнедеятельности... которым делается звонок: «Надо!» – «Будет!»... но за Это – Это... «Свои» люди среди подчинённых, которым сходят с рук почти любые «нехорошие» поступки, и люди, заполняющие вакуум – исполнители непроизводственных работ в рабочее время... Вот такая незатейливая система.

Была и нота уважения к Арнольду... вероятно, она прозвучала, когда дружески пожимал ему руку, – он не был лицемером и не использовал двусмысленных слов. А «система Арнольда» была сильна из-за имеющихся возможностей и по многим слабостям порядочных систем.

Повиноваться законам природы я обязан по двум причинам: являюсь частью природы и неповиновение разрушает связь с природой... но повиноваться другому человеку – здесь нет ничего от природы... здесь «законы» Разума... Кто разумнее, тот сможет подчинять... если нет души и не считается с моралью.

С ностальгией вспоминаю Николая Васильевича, прежнего механика... начало познания дела, ещё как следует не знаю, как и что делать, но делаю по своему пониманию. Он ласково, с иронией начнёт объяснять, ещё не зная того, что не терплю учителей... и наткнётся на мои безграмотные возражения. Блеснут возмущением глаза и на одном дыхании скажет: «Делай как знаешь... но должен сделать!» – уйдёт, а рядом останется тепло гневной вспышки... Знаю, через несколько минут, когда доложу о выполненном, прочту в его глазах дружеское расположение.

С Николаем Васильевичем работалось без принуждения... и весело. Даже редкие конфликты были хоть и шумные, но с большой долей иронии... и всё решалось не так, как кто-то хотел, а так как надо.

Под Арнольдом всё изменилось: конфликт перерастал в конфликт и между ними конфликтное напряжение... в бригадах появились группировки, работающие до мордобоя... бестолковость работы увеличивалась, сказывалась застывшая техническая эрудиция Арнольда, а мастера и бригадиры не могли ослушаться «хозяина»... Главное, на работу шли, как на повинность.

Очень ярко высветила Арнольда история с повышением разряда слесарей, которая стала анекдотом....

Из группы Арнольда на курсах повышения квалификации училось нас четверо. Сдавали теорию... Арнольд в приемной комиссии... У всех шестерых «приёмщиков» свой стол... Надо

так случиться, отвечать на экзаменационный билет мне пришлось механику, столик которого рядом с Арнольдом.

Арнольд занимался не столько своим визави, сколько мною... Вопросы сыпались из высшей механики – от них заикались даже экзаменаторы, а мои извилины вскипали в черепной коробке... поддерживало и вдохновляло затаённое дыхание всех следивших за поединком... Ответил на все вопросы, но Арнольд выкричал для меня «четвёрку»... Члены комиссии виновато согласились, не имея убедительных аргументов против крика, хотя глубокого смысла в уровне оценки не имелось.

Продолжение следует...

Устами мастера Арнольд предложил нам четверым без сдачи практической работы повысить разряд... если мы перейдём в дежурные слесаря.

Шура Колесников согласился, не задумываясь: «В смене поспать можно, да днём пивка без очереди «дернуть»... и «Пузыря» не видеть...»

Сергеев размышлял сутки... и согласился. Позже оправдывался: «Только одно – не иметь дело с «Пузырём»... Мужики меня предателем считают... А я что?.. Прикажет – делаю... червей копать или блёсны отливать... хозяин!».

Юрий Петухов отказался: трое детей, мать прибаливает – неудобна сменная работа. Отказался он и от борьбы за разряд: «Замордует Арнольд, всё равно в дураках будешь». Перейди в дежурные слесаря Юрию всё же пришлось – Арнольд зашёл из-за угла... Придавил Юрия на его слабости – семейные неурядицы отглаживались «горькой» – был подловлен и поставлен перед выбором: «или уволю, или дуй в дежурные слесаря!»

Мне по закону не допускается смена как студенту вечернего факультета (Арнольд об этом ещё не знает)... не предъявляя свои права, вступаю в борьбу... Задание получил невыполнимое: детали без названия, только размеры и материал... На второй день опытные мужики определили: подставка для лодочного мотора, а две поменьше – хомуты для крепления мотора...

Когда одиноко противостояшь кому-то, чувствуешь зависимость от людей, наблюдающих противоборство – люди становятся судьями и требуют не словесных оправданий, а реальных поступков.

Выполнил к указанному времени и в соответствии с допусками в чертежах... и отдал мастеру – «Арнольдову голубку»... но ответа не получил... На следующий день спрашиваю во время развода: «Что насчёт оценки?».

– Арнольд Алексеевич забраковал твою работу, – дружный смех в слесарке... Пришлось идти к Арнольду... Кабинет был заперт... пошёл через полчаса... Арнольд сидел, склонившись над бумагами... На меня поднялись глаза, но голова была в прежней позиции... Явно минуту назад «заложил».

– Что тебе?

– Насчёт оценки по работе...

– Плохо...

– А конкретно?

– Проверял микрометром – детали не соответствуют заданным параметрам, – умно, но согнулся ещё круче.

– Работа велась с помощью штангеля, а не... – вижу в окно, как «Степан», переодетый в цивильное, несёт подставку (значит, была нужна и браком не пахла) в сторону проходной... Куда и зачем – было понятно.

Арнольд удивлённо посмотрел в ту же сторону: «Паразит!» – сказано о «Степане», а мне была навязана дискуссия о целях и задачах трудовой деятельности слесарей, ему подчинённых... слушать было противно, прервал его монолог вопросом:

– Арнольд Алексеевич, эти детали вам не нужны?.. Тогда забираю... на память... – произошло то, по какой причине его прозвище «Пузырь»...

Подшло время действия алкогольных градусов... и кто-то сомневается, что он не хозяин всего, что находится в этом кабинете... и прервали недосказанную мысль... в одну секунду покраснел от залысины до кадыка... от перехватившего дыхания надулся индюком... глаза бегали в поисках опоры – наткнулись на телефон:

– Не дам!.. позвоню в охрану... Тебя арестуют... – неинтересна его истерика, забрал хомуты... извинился за неудачные детали... – Арнольд мог только шипеть, – пошёл в слесарку и бросил свой труд в груды металлолома.

Мужики, кто был в слесарке, поняли всё... радостно смеялись... Именно тогда я понял, как противна мне всякая борьба, тем более с мерзавцами... Пару лет Арнольд со мной даже не здоровался – во мне видел пустоту... а через пару недель его «сместили» от нас – главным механиком завода, но это другая история, а в тот день я познакомился с Рафаилом.

– Интересного паренька нам прислали, – сказал мне Николай Иванович, увидев мой интерес к незнакомой личности, которая заразительно смеялась в нашей слесарке... Опыту Николая Иваныча доверял, но от гнусного настроения по-гнусному и подумал: «Посмотрим, каким «пареньком» выкатится из-под Пузыря...»

Думалось о своём... понимал: Арнольд ждал от меня челобитную с примирением... и подчинением... Желание обладать превращено в страсть... другого ощущения, как он считает, не должно быть – дисциплина, воспитанная на страхе и принуждении, рождает раба... и восставать раб имеет право за пределами компетенции хозяина.

Отдать должное, Арнольд презирал согнутых людей... но до чего же они были удобны!.. А друзья?.. не знаю его с этой стороны и делать выводы не имею права.

Принципиальность воспитана во мне вопреки сущности характера... каким образом – не знаю, но объяснять или убеждать свои принципы – не вижу трудностей. Стоит коснуться убеждений, исходящих из сущностей характера, души и сердца – встречаешь непреодолимые препятствия.

Изменить убеждения – сломать себя и тщательно оберегаемое прошлое.

В прошлом другое всё: от радостных минут до горьких ошибок... и вдруг узнаёшь – прожитое, продуманное и сделанное – не то!.. Первое, что накрывает волной, страх – пристрастие к прошлому не позволяет выкинуть из себя свою собственность...

Неоднократно убеждался, что глубокий душевный кризис, приводящий в отчаяние, дает выход на новую дорогу жизни, к новым убеждениям... и вырывать, ломать прошлое не требуется.

Главное, познанием пережить отчаяние, не впасть в прямолинейную принципиальность и безысходность.

Ещё в юности обратил внимание, что есть люди – назвал их «сосунками», которые сосут всё, что преподносит им жизнь... нечего сосать – не возмущаются, а лоснящийся взгляд застынет в ожидании своего часа.

У меня были приятели такого рода... они вызвали уважение – не довели надо мной превосходством чувств или мыслей... и от меня ничего не требовали.

В деле осознали их бесстрастность и пассивность в жизни... понималось, что самодовольная улыбка появляется при подчинении чьей-то воли... возник страх: «Неужели и я такой?», а потом отвращение к такой породе людей – это они дают возможность существовать властолюбцам.

И к диктаторам был страх – во мне нет жажды властвовать... оказалось, достаточно проявить самостоятельность и диктаторы лишаются власти над тобой... но пакость устроить могут – жажда действия остаётся... а «сосунки» действуют, когда кем-то накормлены, и по чужой воле... и они ищут истину, которую искать бессмысленно – она всегда впереди и непросто выбрать дорогу, ведущую к ней, – заблудиться можно.

Хотя всякое заблуждение несёт в себе зачатое семя истины... но «сосунки» превращают его в ортодоксальную аксиому, провоцируя застой... они не хотят предположить возможное – истина рождается только в муках.

Для них «неизменный курс» – самый правильный... ну, не хотят понимать: в хаотичном движении не может быть прямого пути, ибо приходится уничтожать то, что необходимо обойти и оставить в целости.

Часто замечал, что хочется управлять своей жизнью рассудочными побуждениями... но совершая их – проигрываю. Счастьем пахнет, когда отдаёшься жизни... и она обнажает истины, позволяя чувствовать их начало... Учителя охотнее делятся знаниями с послушными учениками... в школе был непослушный, поэтому была взаимная нелюбовь.

А к учителям, давшим мне специфические знания слесарного дела в химическом производстве, был послушен... и оба были уважаемы... хотя друг к другу они были нетерпимы. Так было, когда мы работали с Николаем Васильевичем... Под «Пузырём» – было мощное единоедушие, направленное на сопротивление развращённой системе труда, где не ценились способности в работе, а принималось угодливое услужение.

Николай Иванович протестовал открыто, без дипломатии, чем приводил Арнольда до визгливого раздражения... Жажда торжества перекрывала прямолинейность Николая Ивано-

вича ударом из-за угла... без внешней ехидности, но с яростным блеском восторга в глазах, лениво прошевелил губами:

– Николай Иванович, вы боретесь за справедливость и равноправие... решил не противоречить вам... вы, как равноправный член бригады, получаете наряд по очистке помойки, – Арнольд бил под дых... по самолюбию слесаря экстракласса, да ещё которому в сыновья годился... и знал, стервец, что невоздержанность перерастёт в ярость, которая затуманит деликатность в словах и поступках... Из множества известных матерных слов и выражений Николай Иванович успеет произнести с десяток... когда Арнольд отрицательно заявит:

– Николай Иванович, вы хам! Ваше поведение расцениваю как хулиганское, и... пишу докладную на имя начальника цеха...

В отличие от Николая Ивановича, Сергей Тарасов обладает способностью из матерных слов плести сетчатую фразу, которая плотно ложится с головы до пяток, не давая опомниться от фантазии устного народного творчества, и обнажает суть оппонента до невозможности возражать...

От слов Сергея Арнольд пузырился, не шевеля губами... но зашевелились мозги, осознавалось: у Николая Ивановича есть проницательный защитник... а докладная – вред себе... На несколько дней чуткий нос Арнольда не будет соваться в слесарку – наступит состояние раскованности в делах и отношениях её обитателей.

Действие не столь утончённое, сколь примитивное: раскованность – хорошая почва для нарушений установленных правил... И тогда шакал в образе льва, изгаляясь над самолюбием, будет, как он считает, вершить праведный суд над подчинённым быдлом.

Мнение – ещё не закон... но как часто оно делается законом, если это мнение диктатора, кумира или властимущего... и суть мнения не важна – истинное оно или заблуждение.

Была мысль разложить известных мне людей по полочкам, что-то похожее на картотеку характеров, судеб, целей в жизни, не только для того, чтобы знать, кто есть кто, а для определения среднестатистической личности... Дурацкая затея – картотеки не получилось: каждая личность откладывалась только в свою ячейку... Человек неповторим – и в этом его выразительность... Человек сложен, даже в простоте поступков и бытия, тем интересен и обладает возможностью совершенствовать себя.

Николай Иванович скрупулёзно относился к работе, дотошно требовал от напарников выполнения... и законченная работа выглядела картинкой.

Сергей Тарасов работал, казалось, топором отсекал, рубил, подбивал... на выходе грубоватая, но живая рельефная скульптура – работоспособная и надёжная.

И жизненные позиции у них расходились в той же интонации и у каждого они сложились по-своему. С ними было легко, потому что понятны их желания и требования... они естественны и не заумны.

Мне легче понять порядочного человека – в нём много того, что я знаю. Мне труднее понять происхождение ничтожества, чаще принимаю за особенность человеческого характера, – мой жизненный опыт знает ничтожных людишек, но никогда не присутствовал в истоках ничтожества... или не замечал.

Из того же школьного опыта знаю, почему в учителей плюют – слишком много они отдают своего, что должно быть чужим. Даже маломальский эгоизм присваивает любые полученные знания и навыки... учителя делаются помехой для самолюбия.

Вот если бы... Рафаил, в тот злосчастный день, чуточку согласился со мнением «стариков» – трагедия могла бы пройти мимо...

– Не упивайся радостью, а тем более не смешивай её с водкой – захлебнуться можно, – говорил Николай Иванович, дружески обнимая, поздравляя, сияющего от бесконечного восторга Рафаила.

Сергей Тарасов был категоричнее... ласково тряхнул Рафаила за плечи и проговорил нарочито усиленным баритоном:

– Папаша, едрёна вошь!.. но кончай лопать... надорвёшься, – Рафаилу смешно и приятно внимание, но в состоянии радостного затмения он мог ощущать только самого себя...

Ясно, как Божий день, – гниль и плесень идёт «сверху»! Понятно и другое: когда «верха» не считаются и ни во что не ставят «низы», то и там загниёт – «низы» будут приспособляться, удваивая ложь, двуличием вытаскивая корысть, затормаживая себя в развитии... Что нужно, чтобы не было гнили?..

Доброта приедается и даже претит, если она постоянна в своих проявлениях.

Скромность не добродетель, но украшает человека... хотя украшение тоже не всегда добродетель. Скромность – слабость человека... и требует поддержки, а без неё «скромные» – завистливы.

И доверчивость – зло... к ней хочется относиться по-доброму, в чём и есть заблуждение... Доверчивостью не просто пользуются, а насилуют с её согласия, воспитывая безжалостных диктаторов. Вера в Бога – единственная добродетель доверчивости.

Правда, даже горькая, не унижает, а предупреждает ошибки. Ложь всегда унижает – лёгкостью восприятия и сложностью опровержения.

Понять ложь – ослабить её влияние на сознание и поступки.

Мерзость не в том, что врёшь себе – это можно выдать за мечту, а в том, что врёшь другим... и соблазняешь, и мутишь мозги.

Всё ложь, чего не было и нет... Возможное – тоже ложь... Правда в достигнутом и сделанном, в том, что имеется и что было.

В общем, о жизни легче и проще говорить, чем прожить по-сказанному.

Неустойчивый характер русских – это нестабильность нравов и традиций... а давать ответы мы мастаки – от поспешного мышления: делается открытие и, не осмыслив его, возникает желание поделиться, не пришив к мыслям руки... только нужда заставляет творить то, о чём мыслишь. Ибо беспокоит ум и воинствует сердце невоплощённая мысль... а воплощённым пользуются, не задумываясь и без эмоций...

Поступки всегда в согласии с мировоззрением, но не всегда в ладу с общепринятой идеей... Моё желание быть самим собой – это не крайность, оно естественное, от природы... а крайности возникают в надуманной или сконструированной идее.

Невозможность осуществления желаний превращает их в ненужность... А родившиеся чувства легко спрятать и забыть. Когда желания вылились в отношения, в дело или поступки, не имеющие продолжения, то чувства не спрячешь и не забудешь... вот тогда и впадаешь в крайности... Трудно понять, что в мире нет хаоса... и совсем не воспринимается, что хаос в непонимающих мир мозгах... и кажется ненужным понятие, что хаос в движении мира... что для меня означает одно: прямой путь опасен не только для моего движения. А возможное развитие моих способностей стимулирует необходимость к жизни... но не обещает полного наслаждения жизнью.

Побудительные причины любого действия – желание и возможность... отсутствие одного из этих мотивов – помеха действию.

Оценка действия справедлива не после окончания, а по результату... и возникает вопрос: всегда ли в совершении бесполезных действий заложена глупость? От глупости – суета, от поиска – ошибки... а если на ошибках учатся, то ненужное – не всегда бесполезное.

Есть дело – нужны не просто напарники, а друзья, ибо есть душа... и выход для неё не должен быть в пустоту... Это будет называться «временной дружбой»... связующие могут разорваться на расстоянии или во времени... не разочарование виной всему, а утрата необходимости.

Когда возникает проблема, пробуждается злость. Секунду до этого казалось, что сил предостаточно с корнем вырвать любое решение... но его даже не видно – каналы, питающие разум, перекрыты злостью. Требуется остановка мышления, а перегретому организму охлаждение... Решение будет найдено, но не из точки зрения, обозначенной злостью... Злость – это резкая сила, вздымающая опоры для более сильных чувств.

Работа без начала и без видимого конца, – для души... отвлечение... наверное, свойственно только русским – работать, чтобы были заняты руки и мысли отвлеклись от сердечной боли... иначе, наслаждение в питье.

Уклониться от работы мечтают все... для кого труд необходимость и нужда... для кого потребность – не мечтают, а находят работу... делаясь самостоятельным и способным на самоутверждение.

Достигнутая цель не приносит удовлетворения – оно воплощается в работе... а достигнутая без труда цель – не подвергается оценки... и тоже не приносит удовлетворения.

Из чего следует: конкуренция, борьба за существование, соперничество – это плод разума... изнасилованного инстинктом... отсюда пошлость, скрываемая разумом всевозможными условностями, которыми опошляют естественное... Действительность понятна без толкования – абстрактное и условное требуют нудных объяснений.

Природой дано естественное счастье – насытиться, а потом облегчиться... это откровенная и исходная точка любого счастья... из-за которой вся борьба до кровавого исхода на всех этапах существования человечества.

Две мысли в раскаряку... и уже смешно.

Думая о делах, пропускаю из лифта начальника цеха и Люсю Паршину. Она взглядом показывает на задники полуботинок убегающего Владимира Львовича – оболдеваю... Догоняя, задумываюсь, как обратитьсяЮ чтобы не смутить, официально или по дружески?

– Володя, у тебя пятки из под носок выглядывают...

– Вот, суки, вылезли – останавливается, достаёт из кармана «ложку» и заталкивает носки глубоко за пятку – Что ржёшь?

– Немножко смешно...

– После разводов, обходов зайди в мой кабинет... посмеёмся дальше.

Захожу. Львович, открывает нижний ящик стола... Там лежит кипа носков.

– Софочка не любит штопать, а мои руки для других целей... Ты один видел?... Люся показала?... Не только цех, а пол завода будет знать... ЦРУ Люсе в подметки не годится... Не сэкономишь на носках.

Николай Саньч, прочитав мою статью в заводской газете, предложил послушать его: «Может что то наберёшь для своей будущей книги». Послушать интересного человека, всегда удовольствие... и соглашаюсь. Рассказанное потрясает!

Уже было написано три с половиной листа школьной тетради в клеточку, причем убогим шрифтом... о службе Николая Александровича в КГБ с октября 45-го по март 46-го, где пришлось насмотреться на шпионов, предателей и врагов народа, и на то, как с ними обращались. Мягкая и добрая душа не выдержала -уволился, подписавшись сохранять тайну виденного 50 лет. Ко мне была просьба, не опубликовывать рассказанное, еще пятнадцать лет.

Выкристаллизовываю последнее предложение, ищу особые слова, выразительно вырисовываю моё представление о муках и страданиях заключённых, о чувстве долга и страданий чекистов. Ставлю точку... и осознаю всю мерзость написанного... понимаю причину моих мерзких ощущений, когда читал фрагменты «Архипелага ГУЛАГ»– не пережитое, даже с чужих слов – выдумка... мерзкая выдумка.

Мерзость ещё не ненависть, но уже отрицание любви или использование её в мерзких целях... С легкостью на душе уничтожил с трудом написанные строки – ощущение снятых увесистых оков.

Озарение... оно не приходит из ничего – всегда есть ему основание: не только понял, но и увидел – почему Гоголь сжигает второй том «Мертвых душ»... Либеральная критика реальности в купе с талантом Гоголя ещё скрывала мерзость «свободы слова» по разбрасыванию дерьма на жизненную правду. Вероятно, второй том до ужаса искрился мерзостью... и развив в себе мвшление, Николая Васильевича не удовлетворяла выдумка ситуаций и обстоятельств, которых он не переживал.

Николай Васильевич Гоголь широко познал западную либеральную мысль. Многое принял, с чем то не согласился, но главное увидел Россию «свободным» прямолинейным взглядом... увидел и ужаснулся, не поверив самому себе, времён написания «Старосветских помещиков». Глубокая вера в Бога и совесть, не позволяющая отрываться от простоты жизни и многозначно – сложных людских характеров, и превратиться в мерзавца.

Николаю Александровичу хотел сказать то, что он сказал мне раньше чем мы поздоровались.

– Николаша, я больше не слова о «сером доме»... Нет страха, но во рту и до самого копчика гадкий осадок и ощущение подлости... рассказал тебе – будто взвалил на тебя мешок с навозом... и в моей груди прибавилась тяжесть... Забыть гадость и будет облегчениеи, может быть, даже счастье... Распространять гадости и подло, и безумно... тревожить людей тем, что они должны знать, чтобы жить спокойно... Это моё... и я люблю жизнь... Бог не наказывает за любовь – наказывает за предательство жизни, и себя.

О предательстве не думалось... Предательство – величайшая подлость. Моё предательство себя – уйти от познания Мира, жизни – получать от неё удовольствие.

Стою посредине мастерской, рассматривая все углы и закоулки...Подходит Сан Саныч Салтыков.

– Лом ищешь?... Татарин – ворюга в свой угол поставил...возьмёшь попользуешься и поставишь на наше общее место.

«А мне такой лом нужен дома?» – подумалось неожиданно – «Даже всеведающий Салтыков не может ответить на мой вопрос. А мне он прямо сейчас нужен».

Навстречу идёт Муса: « Лом поставишь на моё место».

Через десяток шагов встречаю механика Сергея Васильевича: «Лом приносишь в кабинет».

Ценность лома поднималась. Серёга Тарасов объяснил интерес к лому. Ему тоже дома нужен такой: «Закончишь, поставишь лом за выступ в стене, к концу работы пристрою в нужное место».

Пришлось объяснять ситуацию... «Муса хотел забрать лом домой».

– Нос на пятак переделаю – возмутился Серёга и пошел «прессинговать» Мусу...

Через пять минут оба вышли из курилки. Нос Муссы остался целым.

Позже, Муса, на складе за банку «рассола»(30% спирт для охлаждения полимеризатора) приобрёл шестиметровую арматуру диаметром 40 мм, и за такую же трехлитровую банку изготовил 4 лома – 2 в цех, по одному себе и Тарасову.

Глупцам трудно в одном – в познании неизведанного... Умным в другом – останавливаться и объяснять глупцам непонимаемое.

Наивность трогает, но не всегда смешит, глупость может вызвать улыбку, но не трогает – это разные явления. Когда попадаю в туман – наивность, а если туман в голове – глупость.

Лёва сорвался... глаза прятались в пол... лицо морщилось виноватой гримасой... Моё возмущение раздувалось в свирепость от каждого его слова – сутки назад он просил о снисхождении, убеждал: «Дмитрич, завязал... всё!.. Гадом буду!» – и вот этот «гад» заставляет рвать голосовые связки, превратив меня в лающего цепного бобика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.